

В.А. Ромодановская

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург

**К вопросу о причинах табу в современном русском языке:
размышления и заметки**

Аннотация: Статья содержит наблюдения о табуированной лексике русского языка, возможности ее употребления в обществе, а также социально-религиозные причины запретов.

The paper contains observations about taboo vocabulary of the Russian language, the possibility of its use in society, as well as social and religious reasons for the prohibitions.

Ключевые слова: обценная лексика, табу, религиозная и политическая ситуация.

Obscene vocabulary, taboo, religious and political situation.

УДК: 811.161.1, 81'271.16, 81'276.12, 81'276.2.

Контактная информация: Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4. ИРЛИ РАН.
E-mail: romodan@list.ru.

Заложенное в каждом из нас воспитание обязательно фильтрует употребляемую лексику, отделяя *приличное* от *неприличного*, *допустимое* от *недопустимого*, всякий раз соотнося словоупотребления с конкретной ситуацией. В каждом из нас, незаметно для нас самих, постоянно работает некий внутренний цензор, анализирующий, что, где, когда и при ком можно произносить, а что нельзя, что может стать остроумием или шуткой, а что будет грубостью или хамством. Уровень этой подсознательной цензуры свой для каждой социальной группы, для различных уровней населения, однако любой человек на своем уровне всегда знает, «что такое хорошо и что такое плохо».

Мало кто задумывался о причинах, которые лежат в самом основании внутренней цензуры. В последние десятилетия стало модно щеголять нецензурной лексикой, она появилась в телевизионных передачах, на радио, в газетах и художественной литературе. Выходят в свет многочисленные «словари русского мата»¹, употребление эвфемизмов вместо табуированной лексики стало допустимым едва ли не для всех социальных слоев. Можно объяснить этот процесс «постсоветским периодом», «свободой» после строжайшей цензуры СССР, «вольной» революционной начала 1990-х гг. (или постреволюционной сейчас) ситуацией, можно найти много причин, от свободы до плохого воспитания и школьного образования. Но процесс такой *детабуизации* современного русского литературного языка протекает одновременно и параллельно с процессом массового воцерковления, со все возрастающей ролью православной церкви в современном обществе, равно как и с «показным христианством»: огромными золотыми нательными крестами, осенением себя напоказ крестным знаменем и т. п.

¹ К сожалению, это не только сугубо научные издания, которые, на мой взгляд, нужны, как и любые языковые справочники и словари. В большинстве своем выходят *популярные* словари нецензурной лексики, в которых лишь приблизительно приводятся значения слов и совершенно отсутствует этимология и объяснения причин, почему то или иное слово попало в разряд матерных.

В сложившейся ситуации мне показалось интересным попробовать разобратся с исторической точки зрения: как соотносятся христианские тексты и сама христианская вера с табуированной лексикой, почему на определенные слова наложено табу, в какой – приблизительно – период это могло произойти и что скрывается в истоках родного миллионам людей русского языка. Эта статья – результат размышлений на эту тему, и носит она в большей степени публицистико-философский, нежели строго научный характер; в ней я постаралась выразить свои личные наблюдения, достойные самой строгой критики.

* * *

Самая запрещенная группа – обценная лексика, наиболее ярким представителем которой является русский мат. В свою очередь он подразделяется на основные лексические единицы: *huj*, *pizda*, *jebat* и неосновные: *bljad*'. К этим четырем лексемам примыкают обценные лексемы, не являющиеся матерными в узком смысле этого слова, но воспринимаемые носителями языка как мат в силу своего исконного значения и, как и мат, употребляемые в бранных выражениях: *bzdet*', *govno*, *dristat*', *drochit*', *zhopa*, *zalupa*, *manda*, *mude (mudi)*, *perdet*', *pidor*, *srat*', *ssat*' и т. п.¹ В русском языке для замены матерных слов существует также огромное число эвфемизмов².

Ядро матерной лексики представляют собой слова, непосредственно связанные с половым актом: названия мужского и женского половых органов и действия совокупления. Этимология этих слов рассматривалась неоднократно. Первоначально праславянское **jebti* означало 'бить, ударять', **huj* (родственный слову хвоя) – 'игла хвойного дерева, нечто колкое', **pisъda* 'мочеиспускательный орган' [Мокиенко, 1994]. Этимология и исконное значение слова *bljad*' (от славянского **blōd/*bled*) прозрачны: 'проститутка, женщина, предающаяся блуду'. Значения примыкающих к мату слов связаны с половым актом, возможностью / невозможностью его совершения и с актами дефекации – т. е. со всем, касающимся человеческого «низа». Славянское происхождение этой лексики указывает на древность ее бытования.

Как отметил Б.А. Успенский, «матерная ругань широко представлена в разного рода обрядах явно языческого происхождения – свадебных, сельскохозяйственных и т. п., – т. е. в обрядах, так или иначе связанных с ПЛОДОРОДИЕМ: матерщина является необходимым компонентом обрядов такого рода и носит безусловно ритуальный характер; аналогичную роль играло сквернословие и в античном язычестве <...>. Одновременно матерная ругань имеет отчетливо выраженный антихристианский характер, что также связано с языческим ее происхождением» [Успенский, 1994, с. 57]³. Далее Б.А. Успенский указывает ряд ситуаций, когда «матерная брань... оказывается функционально эквивалентной молитве» [Успенский, 1994, с. 62 и след.]; употребление матерных выражений – обращение

¹ В русском языке на основе матерной лексики бытует огромное число производных слов и фразеологизмов. Наиболее полно этот вопрос рассмотрен в работе: [Плущер-Сарно, 2001, 2005].

² В основе многих эвфемизмов лежит фонетическое сходство «замены» и «заменяемого». Как яркий пример приведу детский анекдот. Звери в лесу осудили на собрании волка-матерщинника: «Ну нельзя матом ругаться, ни одного такого зверя в лесу больше нет». Волк: «Ребята, простите, ну не могу я без этого». Звери предложили волку заменять матерные слова на названия цветов, «так в лесу и красивой будет». Волк пообещал, вернулся домой и застал хозяйничающую без его ведома лису, хотел выругаться, но слово сдержал: «Слушай, Роза, а ну, василькуй отсюда, а то так запионю, что обсиренишься!».

³ Вызывает сомнение слово *ругань* (у Б.А. Успенского *матерная ругань*) в отношении народных обрядов; очевидно, в них матерная лексика носит сакральный характер и служит призыванию сил Матери-Земли (или просто Матери) к повышению урожайности, приплоду, деторождению и т. д.

к Матери-Земле [Там же, с. 65–72]. Произнесение подобных заклинаний всеу – оскорбление, наносимое Земле (ср. Третью из Десяти заповедей христианства: «Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно; ибо Господь не оставит без наказания того, кто произносит имя Его напрасно»), в результате чего Земля опускается или разверзается [Там же, с. 77–81]¹. Таким образом, напрасное (т. е. внеобрядное) употребление матерной лексики, само название которой указывает на культ Матери², является табуированным, как и любое использование сакральных элементов.

В отношении христианства, как представляется, нужно отметить одну деталь. Б.А. Успенский заметил, что с принятием христианства культ Матери-Земли распространился и на Богородицу [Там же, с. 69, 71–73]. Между тем, христианство, будучи *монотеистической* религией, проповедует Бога, Единого в Трех Лицах, в то время как все святые, и Богородица в их числе, – земные люди, в силу человеческих подвигов заслужившие высшей благодати; культ Богородицы в христианстве снижен по сравнению с культом Бога Троица. Таким образом, материнское начало язычества с принятием христианства уступает главенствующее место отцовскому началу новой религии. Троица христианского Бога, в сравнении с Единым и Неделимым Богом Яхве иудаизма, являющегося исток христианской веры, допускает и приветствует сонм святых угодников, причем исторически сложилась традиция обращения молитвы в конкретных случаях к определенным святым: к св. Пантелеимону о здравии, к св. Георгию Победоносцу – о войнах и земледельцах, и т. п. Верховенство Троица Бога и существование сонма святых явилось благоприятной заменой языческим религиям, благодаря чему, очевидно, христианство и стало, наравне с мусульманством, самой распространенной религией в мире. Более того, зачастую христианские храмы воздвигались на основаниях храмов языческих, причем совершенно определенных, а культ христианских святых выдвигался в противовес культам языческих богов³. С принятием христианства определяющей, на мой взгляд, стала замена культа Матери культом Отца, что сделало понятия, касающиеся деторождения, уже не предметом поклонения, а чем-то «сокровенным», потаенным, о чем принято умалчивать. С этим вполне соотносится и непорочное зачатие Богородицы, и существующие поныне идеал монашеской аскезы, и celibат католических священников; в православной церкви также в чин епископа может быть рукоположен только монашествующий священник.

¹ Ср. поучение бабушек в 1970–80-е гг.: «Материться нельзя, а кто матерится, так под тем земля на восемь метров прогибается».

² Попытка объяснить происхождение названия обценной лексики не от индоевроп. *mater, а от русского слова *мат* (выражения типа *орать благим матом*, т. е. ‘очень громко’) [Скворцов, 1993, с. 5–6] кажется малоубедительной, поскольку связь данных выражений с культом Матери-Земли не вызывает сомнений.

³ См. об этом: [Никольский, 1985, с. 24]. Ср. также: «Христианская догматика... – причудливая смесь иудейского мессианизма с греческим неоплатонизмом. ...Греческая церковь вынуждена была... выставить в противовес прежним богам своих христианских духов-специалистов. ...Она стала проповедовать о том, что есть ангелы со специальными функциями – ангелы гор и рек, источников и колодезей, волон и овец, грома и града, мороза и зноя, весны и осени, дня и ночи, сна и мира, победы и удачи и что к каждому человеку приставлен особый ангел-хранитель, охраняющий своего клиента и днем и в особенности ночью. ...Уже на византийской почве возникло то самое двоеверие, которое официальные русские историки церкви считали почему-то оригинальным русским явлением. Это двоеверие в связи с фетишизмом мощей и икон и с магией таинств и обрядов и было той плоскостью, на которой произошло слияние днепровской религии с византийским христианством. В христианских святых и священных реликвиях, которым церковь присвоила чудотворную силу, приднепровец вновь находил утраченных было специальных богов-покровителей и фетишей» [Никольский, 1985, с. 24–25].

Обсценная лексика была выведена из всеобщего употребления лишь в 1744 г. указом императрицы Елизаветы Петровны [Архив, 1871, с. 451]; очевидно, ввиду высочайшего указа за нею и закрепилось понятие *нецензурной*. До середины XVIII в. «в древнерусской письменности – в условиях христианско-языческого двоеверия – материцина закономерно рассматривается как черта БЕСОВСКОГО поведения» [Успенский, 1994, с. 58; курсив мой. – В.Р.]. Б.А. Успенский собрал внушительное число упоминаний протестов против «матерной брани» в древнерусской литературе, начиная с Повести временных лет и приписываемой Иоанну Златоусту «Повести св. отец о пользе душевной всем православным христианом» [Там же, с. 58–61, 65–69], в их число входят духовные стихи и «Поучение о матерной брани», датируемое XVII в. [Буланин, 2004]. Как обязательный элемент входит поучение против матерной брани и в «откровения», дарованные очевидцам видения Богородицы или святых [Ромодановская, 2002, с. 292–295]. Явно, что эта тема была актуальна, и полемика против матерной брани свидетельствует об активном ее употреблении. В последнее время появилась справедливая тенденция считать мат «мужским обсценным кодом», языком, на котором могут разговаривать только мужчины в определенных ситуациях [Михайлин, 2005]. Очевидно, в Древней Руси обстановка была иной: в 2005 г. в Новгороде на Троицком раскопе была обнаружена берестяная грамота № 955 (датируется серединой – второй половиной XII в.), представляющая собой письмо от женщины, предположительно свахи, к женщине, в котором дается совет выдать дочь за Сновида, затем следует фольклорная формула – пожелание продолжения рода: *«pei pizda i sěkye»* – ‘Пусть же напьется (набухнет) рождающее лоно!’ [Зализняк, Янин, 2006, с. 8, 12]¹.

Таким образом, функция матерной лексики как обрядового языка становится очевидной, причем христианская церковь отвергает его как представителя своего антагониста – язычества, а для язычества это сакральный код, повсеместное и ежеминутное употребление которого недопустимо.

* * *

Рассмотрим еще один вид табуированной лексики – слова, которые включены в словари русского языка, но с пометами «грубое», «бранное».

Жрать – ‘есть, обычно неопратно и с жадностью’ – происходит от старославянского *жръти* ‘проглотить’, однако на раннем этапе лексема стала омоформной слову *жрать* ‘творить жертву’ (от *жръти* ‘восхвалять, творить жертвоприношение’) [Фасмер, 1967, с. 62–63].

Различные формы глагола *жрать* ‘творить жертву’ и производные от него весьма частотны в текстах Ветхого Завета. Приведу несколько примеров. 2Пар. 35:11: *и пожрѡша пасху* («и закололи пасхального агнца»²); 3Цар. 3:3: *то́кмѡ на хѡлмѣхъ жрѡше и кадѡше* («но и он приносил жертвы и курения на высотах»); Пс. 26:6: *ѡбыдохъ и пожрѡхъ въ селѣнии ѡгѡ жѣртвѣ хвалѣнѡ и воскликновѣнѡ* («и я принес бы в Его скинии жертвы славословия»); Авв. 1:16: *сегѡ ради пожрѣтъ мрѣжи своѣй* («За то приносит жертвы сети своей»). Встречаются в Ветхом Завете и фрагменты *поедания* жертвы, например: Иез. 42:13: *сѡ сѣтъ прегрѡды стагѡ, въ нѡхже дадѡтъ жерцы сынове садѡкѡвы, иже пристѣпаютъ ко гдѣви стаѡ стѡхъ* («суть комнаты священные, в которых священники, приближающиеся к Господу, съедают священнейшие жертвы»). В Новом Завете происходит семантическое разделение понятий *принесения жертвы* и *поедания жертвы*. Как правило, жертва *приносится*: Лк. 2:24: *и ѡже дѡти жѣртвѣ* («и чтобы принести в жертву»); Деян. 7:42: *ѡда заколенѡ и*

¹ О грамоте № 955 см.: [Зализняк, Янин, 2006, с. 8–12].

² Здесь и далее в скобках приводится синодальный перевод Библии; отмечу, что в нем отсутствует глагол *жрать* – очевидно, как результат стилистической маркированности.

жертвы принесёте ми («приносили ли вы Мне заколения и жертвы»). Принесение *духовных жертв*, как и «чистое *словесное* молоко» (1Пет. 2:2; курсив мой. – *V.P.*), особенно угодно Господу Нового Завета: 1Пет. 2:5: **возносити жертвы духовны, благоприятны боги иисъ хртомъ** («приносить духовные жертвы, благоприятные Богу Иисусом Христом»). *Поедание жертвы* в Новом Завете соотносится исключительно с жертвоприношением языческим богам, что равно идолопоклонству и противоречит христианской вере. 1Кор. 8:7: **нѣцыи же совѣстию идолскою даже доселѣ ѿкоже ѿдоложертвенное ѿдадѣтъ** («некоторые и донныне с совестью, признающею идолов, едят идоложертвенное как жертвы идольские»); 1Кор. 10:20: **но зане, ѿже жрѣтъ ѿзыцы, вѣсѣмъ жрѣтъ, а не боги** («но что язычники, принося жертвы, приносят бесам, а не Богу»).

Возможно, отрицательная семантика языческого *поедания жертвы* Нового Завета была перенесена и на глагол *жрать* ‘поглощать пищу’, определенный оттенком привнесло и *чревоугодие* как смертный грех. В результате слово *жрать* не стало полностью табуированным, как языческий код, но – маркированным как просторечное, грубое.

«Хорошо мне жить с собаками да со свиньями в конурах: так же и оне воняют, что и моя душа, злосмрадною вонею. Да свиньи и псы по естеству, а я от грехов воняю, яко пес мертвой, повержен на улице града» [Житие, 1934, с. 145; курсив мой. – *V.P.*], – называет протопоп Аввакум двух «нечистых» животных. Действительно, употребление слов *пес* или *свинья* по отношению к человеку – оскорбление, а в словарях подобное значение слова маркируется как «просторечное, бранное».

Истоки восприятия этих животных, *пса* и *свиньи* – в Ветхом Завете.

В Лев. 11:1–47 изложен «закон о скоте, о птицах, о всех животных, живущих в водах, и о всех животных, пресмыкающихся по земле, чтобы отличать нечистое от чистого, и животных, которых можно есть, от животных, которых есть не должно» (Лев. 11:46–47). Из значительного перечня «нечистых» животных *свинья* получила наибольшую известность, хотя в Законе о ней сказано весьма скромно: «не ешьте... свиньи, потому что копыта у нее раздвоены и на копытах разрез глубокий, но она не жует жвачки, нечиста она для вас» (Лев. 11:4, 7). «Знаменитость» *свиньи* как нечистого животного связана с тем, что именно свинину заставляли есть иудеев их противники, в частности, царь Антиох: «Царь послал через вестников грамоты в Иерусалим и в города Иудейские, чтобы они следовали узаконениям, чужим для сей земли, ...и приносили в жертву свиньиные мяса и скотов нечистых» (1Мак. 1:44, 47). Отказ есть свинину – суть подвига старца Елеазара, семи отроков Маккавейских и их матери (2Мак. 6:18–7:42), прославившихся в иудаизме и признанных святыми ветхозаветными мучениками в христианстве. Мученики Маккавейские почитались как пострадавшие за веру, причем, как отмечает архиеп. Сергей (Спасский), «Маккавеи внесены в святцы ранее всех ветхозаветных святых» [Сергий, 1901, с. 403]. Под воздействием иудаизма отрицательное восприятие *свиньи* и в евангельских текстах, однако в Новом Завете *свинья* уже не символ нечистоты, а вместилище, в которое Иисус послал бесов (Мф. 8:30–32, Лк. 8:32–33), или самое низменное животное, до которого опуститься и вместе с которым питаться голод заставил блудного сына (Лк. 15:15–16). Интересно, что «бесноватость» или «низменность» новозаветных *свиной* не проявляется в бранном употреблении этого слова в русском языке; словом *свинья* обычно могут назвать неопрятного, беспринципного или просто неприятного человека, т. е. подчеркивается физическая или моральная *нечистота*, что в большей степени соответствует *свинье* Ветхого Завета.

Псу, можно сказать, не повезло. В Законе о чистых и нечистых животных он не называется ни среди тех, ни среди других. Однако в Ветхом Завете он неоднократно упоминается как отрицательное существо, сравнения с *псом* уничтожитель-

ны. *Пес* питается падалью («и мяса, растерзанного зверем в поле, не ешьте, псам бросайте его» – Исх. 22:31) и ассоциируется с нею, – и соответственно воспринимается он как *нечистое* животное. Ср.: «кто умрет у Иеровоама в городе, того съедят псы, а кто умрет на поле, того склюют птицы небесные» (3Цар. 11:11; подобные конструкции в 3Цар. 16:4, 21:24). Как символ нечестивости выступают *псы*, лижущие кровь нечестивого царя Израиля Ахава: «И умер царь... и псы лизали кровь его, и омывали блудницы, по слову Господа, которое Он изрек» (3Цар. 22:37–38), по пророчеству Господа было суждено быть съеденной *псами* и жене Ахава язычнице Иезавели (4Цар. 9:10, 36). После исторических книг Ветхого Завета сформировалось представление о *псе* как чем-то низменном, едва ли не олицетворяющем разложившийся труп и экскременты: «Как пес возвращается на блевотину свою, так глупый повторяет глупость свою» (Пр. 26:11), *пес* становится символом, не требующем истолкования: «избавь от меча душу мою и от псов одинокую мою» (Пс. 21:21), «не пощади ни одного из нечестивых беззаконников: вечером возвращаются они, воют, как псы, и ходят вокруг города» (Пс. 58:6–7), «Стражи их слепы все и невежды: все они немые псы, не могущие лаять, бредящие лежа, любящие спать. И это псы, жадные душою, не знающие сытости» (Ис. 56:10–11). В Ветхом Завете лишь один раз встречается *пес*, семантика которого толкуется положительно: он сопровождает Товия и архангела Рафаила в путешествии к Рагуилу, однако в синодальном переводе Библии слово *пес* было заменено более нейтральным *собака* (Тов. 5:17). В Новом Завете ветхозаветное отношение к *псу* и *свинье* сохраняется в символическом отношении, в Нагорной проповеди Иисус говорит: «Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, чтобы они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас» (Мф. 7:6). Показателен диалог Иисуса и Хананеянки, просившей излечить ее дочь: «А она, подойдя, кланялась Ему и говорила: Господи! помоги мне. Он же сказал в ответ: нехорошо взять хлеб у детей и бросить псам. Она сказала: так, Господи! но и псы едят крохи, которые падают со стола господ их. Тогда Иисус сказал ей в ответ: о, женщина! велика вера твоя; да будет тебе по желанию твоему» (Мф. 15:25–28; также Мк. 7:27–29). *Псы* в устах Хананеянки не презренные животные, а несчастные, взывающие о милости, и фактически Иисус принял позицию иноверницы, однако иудаистский символ *пса* в Послании к филиппийцам соседствует с отрицанием обряда обрезания: «Берегитесь псов, берегитесь злых делателей, берегитесь обрезания» (Флп. 3:2).

Таким образом, *пес* приобрел оттенок уничижения, нечистоты – и из христианской литературы эта семантика вошла и в славянские языки. *Пес* и, вслед за ним, *собака*, употребляемые по отношению к человеку, стали одними из самых ярких бранных слов, причем это было выражено и в литературе Древней Руси [Адрианова-Перетц, 1947, с. 93], и в современном русском языке¹. Еще более маркированными являются слова *сука* и *кобель*, в которых, вдобавок к принадлежности «к собачьему роду», подчеркнута и половая принадлежность.

* * *

В нескольких словах остановлюсь на явлении русского языка, которое можно было бы назвать «скрытым табуированием», то есть умолчанием, связанным не с религиозными или культурными запретами, а обусловленным, как мне видится, многовековой традицией древнерусской письменности.

¹ Б.А. Успенский связывает субъект действия в выражении *job tvoju mat'* с псом: *пес* предстает как связь с бесовским началом, откуда и происходит выражение *сукин сын* [Успенский, 1994, с. 84–99]. Параллельное существование и взаимное влияние этих обстоятельств представляется более чем возможным, в то время как становление семантики *пса* требует дальнейших изучений.

В различных языках формулы представления себя при знакомстве выглядят примерно одинаково. Так, во французском языке это *Je m'appelle...* 'Я себя называю, я называюсь', в немецком – *Ich heiße...* 'Я называюсь', в итальянском – *Mi chiamo...* 'Я называюсь', подобная формула и в испанском: *Me llamo...* 'Я называюсь', в польском: *Nazywam się...* 'Я называюсь', в болгарском: *Az se казвам...* 'Я себя называю', в сербском: *Зовем се...* 'Я зовусь'. Несколько отличны формулы представления в английском языке: *My name is...* 'Мое имя', в финском: *Nimeni on...* 'Мое имя', в современном иврите: *...שמ* 'Мое имя'. Не могу быть абсолютно уверенной, но складывается впечатление, что в большинстве языков мира формула представления существует в двух вариантах: 1) в форме двусоставного предложения с подлежащим в форме 1-го лица ед. ч. или определено-личным предложением 1-го лица ед. ч.; 2) в форме двусоставного предложения 3-го лица ед. ч.

От общей языковой картины ситуация в восточнославянских языках заметно отличается. Традиционная формула представления в русском языке: *Меня зовут...*, в украинском: *Мене звати...*, в белорусском: *Мяне завуць...* В восточнославянских языках принято представляться при знакомстве *неопределенно-личным* предложением. Сходная ситуация и в греческом языке, где формула знакомства обычно: *Με λένε...* 'Меня зовут'. Представляющийся как бы не называет *свое* имя, не говорит, *кто он*, а сообщает, как его *называют*, не уточняя, кто именно: окружающие, родители, дети, посторонние люди... В этой формуле представления скрыт подтекст: *меня зовут так-то, [а кто я на самом деле, я не скажу]*. Подобная формула напоминает оберег, она противоречит исконному старославянскому (и современному церковнославянскому) *ѣзъ ѣсмь*. Представляется вполне вероятным, что истоки «скрытия имени» лежат в анонимной основе древнерусской литературы, когда автор не указывал свое имя, а зачастую и приписывал свои произведения кому-либо из Отцов Церкви, например, Иоанну Златоусту. Возможно, истоки этой формулы соотносятся и с христианской аскезой, высшая степень которой – отказ от своего имени¹.

* * *

Для прояснения современной ситуации с употреблением нецензурной лексики позволю себе экскурс в российскую историю минувшего, XX столетия.

Революционная ситуация конца 1910-х гг. сняла не только общественно-политические, но и морально-этические запреты, в том числе и запрет на употребление непечатной брани. Так, например, офицер Балтийского флота, впоследствии служивший и в советском Военно-Морском Флоте, А.П. Белобров, человек большой выдержки и строгого воспитания, закончивший Морской Корпус в 1914 г., вспоминает, что только посредством мата удавалось в 1917–1918 гг. справляться с не подчинявшимися матросами: 11 августа 1917 г. при взрыве немецкой торпеды «у команды началась паника... <...> Здесь пришлось прибегнуть к *военно-морскому языку*, чтобы привести в норму людей и вывести их из состояния стада» [Белобров, 2008, с. 265; курсив мой. – В.Р.]; 3 августа 1918 г. эсминец наскочил на грунт и накренился, «у команды началась паника. <...> Когда я это заметил, я с мостика выругал их “баранами” и в последний раз в жизни высказал им

¹ С этим явлением я столкнулась в минувшем году в греческом монастыре св. Герасима Иорданского в Иудейской пустыне. При монастыре открыта мозаичная мастерская, в которой работал преклонных лет монах, выкладывал кресты из кусочков смальты. Он с удовольствием показал моей спутнице и мне свою работу, много рассказывал о технике мозаики, общался с нами очень охотно. Но когда мы в конце беседы спросили, как его имя, кого нам вспоминать, он ответил: «*Call me the father*» 'Зовите меня отец', и имени своего не раскрыл.

свое мнение о них *на наиболее понятном и доходчивом для них языке*. Претензий и жалоб на меня за это не поступило» [Там же, с. 323; курсив мой. – В.Р.].

В последующие за гражданской войной годы отношение к матерной брани в советском государстве резко меняется, и связано это, как представляется, с переменами в самом государстве.

20 января (2 февраля) 1918 г. советским правительством был подписан декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», провозглашающий *светский характер* советского государства, свободу совести и вероисповедания, а также что «Никакие церковные и религиозные общества не имеют права владеть собственностью. Прав юридического лица они не имеют» и «Все имущества существующих в России церковных и религиозных обществ объявлены народным достоянием» [Об отделении, 1957, с. 110]. Декрет отграничил (освободил?) государство от церкви, позволил национализацию церковного имущества и земель, а впоследствии – и массовые гонения на священнослужителей¹. Важно отметить, что *атеизм* формально не был провозглашен как элемент марксистской идеологии.

Фактически на смену православной церкви пришло советское государство, причем вера в коммунистические идеалы и «светлое будущее» была именно *верой*, т. е. по сути дела *религией*. И отразилось это в следующем.

В 1923 г., когда Ленин был уже тяжело болен, его партийное окружение обсуждало вопрос о будущих похоронах – и решение о бальзамировании тела было принято сознательно, по аналогии с нетленными мощами святых². «Упокоенный» на земном ложе вождь пролетариата напоминает лежащего в *колыбели* – и выступает как параллель яслей Господних³. Ставший символом, Ленин вытеснил из государственного и народного сознания Бога и воплощение Его в Иисусе Христе, став единым и незаменимым, превратив марксизм из науки в лжерелигию [Панченко, Панченко, 2005, с. 469–470]. Интересно восприятие его в народе в начале 1920-х гг. как *колдуна*⁴. Не случайно практически сразу после смерти вождя возникает прославление его *бессмертия*⁵.

Главный христианский символ – *крест* – в советское время был вытеснен другими знаками: пятиконечной красной звездой и серпом и молотом. Красная звезда как символ советской армии была принята в 1918 г. и вначале называлась «марсовой звездой» [Степанов, 2010]. Учредители этого символа приняли во внимание охранную символику правильной пентаграммы, однако звезда острием вверх также эмблема пяти ран распятого Христа, поэтому в 1918–1919 гг. были

¹ Я ограничусь схематическим изложением событий, важным для темы данной статьи. Исторические реалии оставлю на суд историкам.

² См. об этом: [Панченко, Панченко, 2005]. Важно наблюдение авторов статьи относительно того, что Ленин упокоен «за Кремлевской стеной (т. е. *вне* освященной земли)»; в таком случае он воспринимается «как мощи, способные даже к воскресению» [Там же, с. 469]. Между тем, «идеал нетления тела... характерен... и для “заложного” покойника» [Там же, с. 483], а «заложных» покойников еще в конце XIX в. часто воспринимали как колдунов [Зеленин, 1994, с. 255].

³ Очевидно, по аналогии с яслями Господними детские учреждения в СССР и постсоветской России именовались *яслями* и – по аналогии с райским садом – *садами* [Панченко, Панченко, 2005, с. 480–481].

⁴ А.П. Белобров вспоминает страшную метель, разыгравшуюся 21 января 1924 г., «соседка... сказала: “У нас в деревне говорят, что в такую погоду где-нибудь умер колдун”. ...Мы узнали, что... скончался В.И. Ленин» [Белобров, 2008, с. 390].

⁵ Самый известный лозунг – «Ленин – жил, Ленин – жив, Ленин – будет жить!» – цитата из стихотворения В.В. Маяковского, написанного в 1924 г. [Маяковский, 1957, с. 34].

попытки размещать ее острием вниз¹. Между тем, перевернутая пентаграмма является эмблемой нечистой силы (вспомним «Фауста» Гете!²) – и столь откровенного обращения к преисподней советские правители все же побоялись. После того, как красная звезда стала элементом герба СССР, она стала толковаться как «объединение пяти континентов».

Скрещенные серп и молот стали в 1918 г. символом советского государства, как «облегченный» вариант перекрещенных плуга и молота, символов рабоче-крестьянского союза. Эмблема «серп и молот» была создана художником Е.И. Камзолкиным для украшения Замоскворецкого района к демонстрации 1 мая 1918 г. – а 10 июля 1918 г. утверждена V съездом Советов в качестве «малого герба». По сути своей этот символ представляет Андреевский крест, вписанный в незамкнутый круг³. Молот формой напоминает Антониевский крест, и в случае вертикального расположения молота фигура может ассоциироваться с крестом, стоящем на середине полумесяца – распространенный в христианстве тип креста.

Вместо двуглавого орла – герба царской России – 6 июля 1923 г. ЦИК СССР был утвержден новый государственный герб, представляющий собой серп и молот на земном шаре в лучах восходящего солнца, в обрамлении двух снопов колосьев, перевитых красной лентой; в верхней части герба – красная звезда. Земной шар должен был символизировать победу коммунизма во всем мире, а в целом конструкция представляла собой практически замкнутый правильный круг.

Таким образом, основными символами *коммунистической религии* стали три солярных символа: звезда, крест и круг.

Не меньшую роль в СССР играли и символические изображения вождей пролетариата: Маркса, Энгельса и Ленина (на определенном этапе к ним добавлялся и Сталин⁴, но эта «троица» была основной, что не может не ассоциироваться с христианской Троицей). В отличие от портретных изображений, где, часто в графическом варианте, основоположники коммунизма располагались анфас, *троица* в подавляющем большинстве случаев была повернута либо на три четверти, либо *в профиль*. Вероятно, такое положение было принято за своеобразный канон, чтобы не возникало ассоциаций с христианскими иконами, на которых святые присутствуют фронтально. Трудно отказать от сопоставления этой символической *троицы* с христианской иконографией, в которой *в профиль* представлены отрицательные персонажи (например, Иуда) [Успенский, 1995, с. 275–276].

Светская политика советского государства антагонистична христианским ценностям и идеалам. Ценность каждой отдельно взятой человеческой жизни (каждая жизнь и каждая личность были важны для Христа) сменилась в обществе на *массовость*: парады физкультурников, демонстрации, понятие «винтиков» в едином социалистическом механизме... Вопреки евангельскому «Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими» (Мф. 5:9), определяющими *мирную* советскую жизнь стали слова *битва* и *борьба*: *борьба с погодными явлениями, борьба за дисциплину, битва за урожай* и совершенно абсурдное – *борьба за мир*. Любая *битва* или *борьба* подразумевает противников, и это выразилось в постоянном поиске врагов, как внешних, так и внутренних.

¹ Например, на плакате Д. Моора «Советская Россия – осажденный лагерь. Все на оборону!» (1919 г.); см. также иллюстрации в [Степанов, 2010]. Перевернутая пентаграмма присутствует и на учрежденном в 1918 г. ордена Красного Знамени.

² О «Фаусте» вспоминал и Сталин, которому принадлежит расхожее выражение «Эта штука сильнее, чем “Фауст” Гете» [Энциклопедический словарь, 2005, с. 852–853].

³ Перекрещенные серп и молот в качестве *креста* – орудия против вампиров использованы в фильме «Дракула – отец и сын» (реж. Э. Молинар, Франция, 1976 г.).

⁴ В ранних вариантах этой «иконаграфии» вместо Сталина изображался Троцкий, а в китайских изображениях к Марксу–Энгельсу–Ленину–Сталину добавлялся Мао Цзэдун.

«Священным писанием» коммунистической лжерелигии стал, в свою очередь, в усеченном варианте, Интернационал (бывший до 1944 г. гимном СССР) с его основной идеей *разрушения* и мистический «Манифест Коммунистической партии»: «Призрак бродит по Европе – призрак коммунизма» [Маркс, Энгельс, 1955, с. 419].

В 1961 г., на XXII съезде КПСС, был принят и третий *канонический* текст советского государства: «Моральный кодекс строителя коммунизма». Очевидно, обращение к человеческой личности оказалось все же необходимым, но в коммунистической идеологии не нашлось для этого нужных слов, и текст практически был списан из Нового Завета¹. По форме Кодекс схож с Десятью заповедями, однако текстуально Синайским Заповедям соответствует лишь первый пункт: «Преданность делу коммунизма, любовь к социалистической Родине, к странам социализма» – «Я Господь, Бог твой; да не будет у тебя других богов пред лицом Моим» (Исх. 20:2–3). В остальном Кодекс представляет собой компиляцию новозаветных фрагментов; приведу несколько примеров: «Добросовестный труд на благо общества: кто не работает, тот не ест» – «Трудись, делая своими руками полезное, чтобы было из чего уделять нуждающемуся» (Еф. 4:28), «кто не хочет трудиться, тот и не ешь» (2Фес. 3:10); «Взаимное уважение в семье, забота о воспитании детей» – «Муж оказывай жене должное благорасположение, подобно и жена мужу» (1Кор. 7:3), «воспитывайте их [детей] в учении и наставлении Господнем» (Еф. 6:4); «Дружба и братство всех народов СССР, нетерпимость к национальной и расовой неприязни» – «нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного» (Кол. 3:11); «Братская солидарность с трудящимися всех стран, со всеми народами» – «Если возможно с вашей стороны, будьте в мире со всеми людьми» (Рим. 12:18). Как видно из приведенных отрывков, при составлении Кодекса были использованы лишь Послания апостола Павла; характерно, что в Кодексе ни одной евангельской цитаты.

Мощная и агрессивная *коммунистическая лжерелигия* могла существовать лишь на отрицании в равной степени как языческих элементов, так и христианства, церкви и ее атрибутов². В СССР господствовала жесточайшая цензура, запрещающая употребление обсценной лексики (в крайних случаях ставились первые буквы и отточия), так же, как и слова *Бог, Богородица, святой* и т. п. В интеллигентских кругах в СССР были два течения: противостоящее власти, диссиденты, зачастую выражавшие свой протест против существующего строя или обращением в христианство, или подчеркнутым употреблением мата (как пример приведу сочинения Юза Алешковского или Александра Галича), или, не всегда поддерживавшие существующую власть, но сознательно вступающие в КПСС – потому, что *верили*³.

* * *

Конец коммунистической религии – всякой лжерелигии приходит конец – пришелся на вторую половину 1980-х гг., во многом благодаря М.С. Горбачеву.

¹ Об этом свидетельствует один из авторов этого документа Ф.М. Бурлацкий [Судьба, 2007, с. 4]. В.В. Путин в программе «Разговор с Владимиром Путиным. Продолжение» (2011 г.) подчеркнул, что «Моральный кодекс...» – «это выдержки из Библии» [Стенограмма, 2011]. 1 февраля 2012 г. Г.А. Зюганов подтвердил: «Когда я положил Моральный кодекс строителей коммунизма рядом с “Нагорной проповедью”, оказалось, что мы переписали Кодекс из Библии, но написали хуже – в Библии написано лучше» [Зюганов, 2012].

² Исключения составляют лишь годы Второй Мировой войны, когда священников допустили в войска и Православная церковь внесла значительный вклад в разгром гитлеровской Германии. Церковные иерархи принимали участие и в Параде Победы 1945 г. (фотографию священников-орденоносцев во время Парада Победы см.: [Священники-орденоносцы]).

³ Особенно часто это стало после XX съезда КПСС и разоблачения культа личности.

Одним из первых признаков окончания старого режима стало провозглашение *гласности* – фактически если не отмены, то значительного послабления цензуры и снятия информационных барьеров. Буквально через два года после XXVII съезда КПСС, в 1988 г., СССР уже открыто праздновал Тысячелетие Крещения Руси, что знаменовало собой кардинальный перелом в политике государства относительно церкви.

Однако интерес народа к церкви в те годы (да и сейчас) нельзя назвать *воцерковлением*, и образовавшийся *религиозный вакуум* заполнился обценной лексикой; собственно матерные слова практически десемантизировались, стали играть роль междометий, в то время как остальные языковые табу (за исключением «скрытого табуирования») постепенно практически перестали существовать. Жертвой этого явления стал и сам последний глава СССР М.С. Горбачев. Если фонетически неблагозвучное (и в годы жесткой цензуры невозможное!) выражение «пир духа» могло быть приписано политику С. Довлатовым [Довлатов, 2000, с. 202–203], то произнесенное на телевизионной пресс-конференции 22 августа 1991 г., после возвращения из Фороса, «Нас уже закалила ситуация, мы знаем, кто есть ху на самом деле» подтверждено шапкой на первой полосе «Известий» (23 августа 1991 г.): «Кто есть ху, как сказал Горбачев».

После мягкой революции 1991 г., ознаменованной и возвращением видоизмененной старой российской государственной символики и старой топонимики, Россия провозглашается как светское государство¹. Сняты полностью запреты на церковь, так же как и полностью отменена цензура. Фактически в поведении, в том числе и в речевом поведении, понятие *нормы* определяется индивидуально для каждого. За исключением людей глубоко воцерковленных, у народа нет *привычки* ходить на богослужения, и очевидно, этим и объясняется «показное христианство», преподносимое как своеобразный вызов окружающим. Приверженность *коммунистической религии*, в отличие от коммунистического / социалистического государственного строя, очевидно, объясняет повышенную возбудимость некоторых сторонников КПРФ и иных современных коммунистических партий. Религиозный вакуум вызвал к жизни браваду обценными выражениями и целую «литературу мата»: как повседневные словари, так и художественные сочинения. Тем же религиозным вакуумом можно объяснить и массовое обращение к «своим языческим корням», причем оно происходит часто импульсивно, без какого бы то ни было знания народных традиций. Наиболее яркие примеры – современное неоязычество, и псевдонаучные славянские руны, и «Велесова книга».

Литература

Адрианова-Перетц В.П. Очерки поэтического стиля Древней Руси. М.; Л., 1947.

Архив князя Воронцова. Кн. 2: Бумаги графа Михаила Ларионовича Воронцова. М., 1871.

Белобров А.П. Воспоминания. 1894–1979. М.; СПб., 2008.

Буланин Д.М. Поучение о матерной брани // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 2004. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 4: Т–Я. Дополнения. С. 535–539.

Довлатов С. Записные книжки. Соло на IBM // Довлатов С. Собр. соч. Т. 4. СПб., 2000. С. 187–242.

Житие протопопа Аввакума: [Основной текст] // Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. М., 1934. С. 63–157.

Зализняк А.А., Янин В.Л. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2005 г. // Вопросы языкознания. 2006. № 3. С. 3–13.

¹ См. интервью с В.В. Путиным: [Стенограмма, 2011].

- Зеленин Д.К. К вопросу о русалках (Культ покойников, умерших неестественной смертью, у русских и у финнов) // Зеленин Д.К. Избранные труды: Статьи по духовной культуре 1901–1913. М., 1994. С. 230–298.
- Зюганов: Кодекс строителей Коммунизма мы списали из Библии // РБК. 01.02.2012. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://top.rbc.ru/politics/01/02/2012/635822.shtml>. Дата обращения – 27.03.2012.
- Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: В 39 т. М., 1952–1966. Т. 4. М., 1955. С. 419–459.
- Маяковский В.В. Комсомольская // Маяковский В. В. Полн. собр. соч. Т. 6. М., 1957. С. 34–38.
- Михайлин В.Ю. Русский мат как мужской обценный код // Тропа звериных слов: Пространственно ориентированные культурные коды в индоевропейской традиции. М., 2005. С. 331–360.
- Мокиенко В.М. Русская бранная лексика: цензурное и нецензурное // Русистика. 1994. № 1/2. С. 50–73.
- Никольский Н.М. История русской церкви. М., 1985.
- Об отделении церкви от государства и школы от церкви // История Советской Конституции (в документах). 1917–1956. М., 1957. С. 109–110.
- Панченко А.А., Панченко А.М. Осьмое чудо света // Панченко А.М. Я эмигрировал в Древнюю Русь. Россия: История и культура. СПб., 2005. С. 467–488.
- Плущер-Сарно А.Ю. Большой словарь мата / Вступ. ст. д-ра филол. н., проф. А.Д. Дуличенко и д-ра филол. н. В.П. Руднева. Т. 1: Опыт построения справочно-библиографической базы данных лексических и фразеологических значений слова «хуй». СПб., 2001; Т. 2: Лексические и фразеологические значения слова «пизда». СПб., 2005.
- Ромодановская Е.К. Рассказы сибирских крестьян XVII–XVIII вв. о видениях (К вопросу о специфике жанра видений) // Ромодановская Е.К. Сибирь и литература. XVII век. Новосибирск, 2002. С. 292–313. (Избранные труды).
- Священники-орденоносцы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://foto.rambler.ru/users/kraussan/albums/24114881/photo/4829a25f-fcda-ab8c-39de-064fc5ba3c21/>. Дата обращения – 27.03.2012.
- Сергий (Спаский), архиеп. Полный месяцеслов Востока. Владимир, 1901. Т. 1.
- Скворцов Л.И. Стихия слова: О русском мате // Русский декамерон. М., 1993. С. 5–6.
- Стенограмма программы «Разговор с Владимиром Путиным. Продолжение». 15 декабря 2011 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://premier.gov.ru/events/news/17409/>. Дата обращения – 27.03.2012.
- Степанов А. Красноармейская звезда. 1918–1922 // Старый цейхгауз. 2010. № 2. С. 44–63.
- Судьба дала мне шанс / Беседа с Ф.М. Бурлацким // Российский адвокат. 2007. № 5. С. 4–9.
- Успенский Б.А. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии // Успенский Б.А. Избранные труды: В 3 т. М., 1994–1997. Т. 2: Язык и культура. 1994. С. 53–128.
- Успенский Б.А. Семиотика иконы // Успенский Б.А. Семиотика искусства. М., 1995. С. 221–294.
- Фасмер М. Этимологический словарь. Т. 2. М., 1967.
- Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений / Авт.-сост. В.В. Серов. М., 2005.